

18+ УР ГАЗАРОВ

ЧУДА НЕЖДИ -
СДЕЛАЙ САМ

Артур Газаров

Чуда не жди — сделай сам

<https://litres.ru/74340934>

ISBN 9785006938625

Аннотация

Летом школьники задумали построить свой, дворовый замок. Что из этого выйдет? Найдут ли ребята единомышленников? Эта история — воспоминания автора о родственниках, друзьях, играх во дворе. Все события воссозданы с кинематографической точностью, объемно. Реальность осязаема, чувствуется ее аромат, будто мы находимся в том городе и знакомы с теми ребятами.

Чуда не жди — сделай сам

Артур Газаров

© Артур Газаров, 2026

ISBN 978-5-0069-3862-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чуда не жди — сделай сам!

Глава 1 День рождения

День рождения бабушки каждый год проводили весело, празднично и невероятно вкусно. Ни один ресторан не мог похвастаться таким обилием лакомств. Сегодня же круглая дата, отмечали с особым размахом. Ещё бы — бабушке исполнилось семьдесят лет.

Хотя на вид не скажешь. Бабушка у нас энергичная, весёлая, не жаловалась на трудности. Среднего роста, ровная осанка, крепенькая, прямые волосы с пробором посередине. Но самое интересное, что меня всегда удивляло это черты лица. Нет, они правильные, гармоничные. Но глядя на бабушку я почему-то вспоминал Брюса Ли. Такие же заостренные черты, волевое лицо, чуть узковатые глаза.

Наша бабушка ничего не боялась, всегда нас защищала и всё делала от души и на пределе возможностей. Бабушка

горой за справедливость и просто так замечаний не делала

В просторной квартире с высоченными потолками собралось много гостей. Родственники приходили семьями, в этот раз четверо детей примерно моего возраста, от девяти до четырнадцати лет, и пятеро младшего возраста. Все выглядели так нарядно, будто собрались на международный конкурс детской моды.

Родня у нас гостила часто. Ни один праздник не обходился без большого раздвижного стола, накрытого белоснежной плотной скатертью, и наших многочисленных родичей. Соседи удивлялись: «Как вы справляетесь, это же не так просто — устраивать большие застолья?». К нам легко могут прийти человек двадцать. До позднего вечера разговоры, шутки, смех. Затем обязательно шли провожать. Ходить по улицам вечером после изнуряющей жары мне нравилось, я никогда не отказывался, когда предлагали.

Стол ломился от вкусностей, на десерт мой любимый дедушкин пирог, так называли выпечку с яблочным повидлом, покрытую зажаристой «клеточкой». Обязательная программа — ореховые рулеты, фирменные бабушкины пирожки, вишневое, айвовое варенье. Какие только конфеты не выглядели призывно из хрустальных ваз, и все шоколадные. Казалось бы — сиди лопай и радуйся жизни.

Праздник только начинался, скоро будет шашлык. Если кто услышит, скажет: «Эка невидаль, что уж, шашлык не едали». Но это всем шашлыкам шашлык, такой, как надо. Во-

первых, из осетрины. Во-вторых, это не просто рыба, а упитанная, метра полтора длиной. Из царской чудо-рыбы получается головокруглительно вкусный и сочный шашлык. Одна только жирная шкурка чего стоит. Осетрина и севрюга обычно чередовались. Разумеется, не обошлось без черной икры.

Чёрная икра была у нас вполне доступна. Однако не до такой степени, чтобы можно было ставить всегда и для всех гостей. У людей среднего достатка это всё-таки деликатес «для внутреннего употребления». Килограмм продавали по сорок пять рублей.

Уже не говорю о компоте, холодном, фруктовом, в высоком запотевшем кувшине. Ни с каким лимонадом не сравнится, хотя и его хватало — хоть упейся дюшесом и тархуном.

А еще халяр. Слово это — халяр, ничего не скажет неискушённому человеку. Заставит улыбнуться тех, для кого Закавказье не пустой звук. Не стану томить, речь о черемше.

Сегодня мне не сиделось за роскошной скатертью-самобранкой со всеми этими яствами. Не соблазнить ничем.

— Ба, извини, можно пойду? — голосом виноватого шкодника протянул и вопросительно посмотрел в глаза полные недоумения.

— Посидел бы с нами, скоро чай с тортом подадим, твой любимый — ореховый, с детьми поиграй, давно же с родственниками не виделись, — уговаривала бабушка.

— Да пусть идёт. Ему с нами неинтересно, так ведь, Ни-

кита? — улыбнулась тетя Нуну, Серёжкина мама.

На ней часто был длинный синий халат с желтым рисунком, но сегодняшний день стал исключением. Тетя Нуну выглядела потрясающе. Нарядная, в модном зеленом платье, стильная прическа. Чем-то на напоминала героиню «Кавказской пленницы» — Нину. Очень похожа и такая же обаятельная.

Тётя Нуну была женщиной доброй, улыбчивой, никогда не повышала голос и всегда помогала. Она нас понимала, когда мы, соседские ребята, собирались, и Серёжка просил дать что-то в общий котёл, тётя Нуну щедро снабжала вкусной едой.

— Ну как хочешь, — выдохнула бабушка и покачала головой.

Бабушка надела нарядное тёмно-синее платье с золотистыми пуговичками, сделала новую причёску. Косметикой не пользовалась, ей это было ни к чему — естественную красоту ничем не испортить.

Не сиделось, и причина моего ёрзания имелась убедительная, как железобетонный мост. Ещё бы, утром Аркадик сообщил сногшибательную новость: Шпуля приезжает. Шпуля! Сколько в этом слове для меня всего отражалось — это заклинание, это радость, это волнение до мурашек.

Два года назад к Эльвире прилепилось забавное прозвище. Кто придумал его для моей сверстницы из города Николаева, никто и не вспомнит даже под пытками.

Здесь стоит подробнее рассказать про лучшего друга Аркадия, соседа с верхнего двора. Хотя на самом деле это наш двор, просто второй ярус называли верхним двором. Людей тоже делили на верхних и нижних, никто не обижался.

Жизнь так устроена, что у каждого были и есть друзья.

Человек без друга беден и нет в нем счастья. Всегда считал, что, если у кого-то нет друга, его оставалось только пожалеть — это глубоко несчастный человек. Хоть один друг, наверное, все же был у каждого — дома, в школе, на работе. Для меня друг — это всё, это тот драгоценный человек, ради кого не жалко разбить копилку и украсть из дома шоколадные конфеты.

Аркадий надежный друг, настоящий, на него всегда можно положиться, он никогда не сдаст. Мне казалось, даже если бы его побили. Всегда выручит, ничего не жалея, человек с чистой и светлой как у ангела душой.

Звали мы его Аркадик, реже Аркаша. С младшим братом — Олегом дали прозвище Эдэс. Почему именно Эдэс, мы и сами не помнили и всегда удивлялись, почему ему досталась именно это прозвище, достойное главного героя художественного произведения. Но ещё более удивительную кличку придумала Алиса, соседская девочка, энергичная, как боксер на ринге и обаятельная, невероятно душевная, веселая. Прозвала Аркадия — Адаш. Вариант Алисы мы не поддержали и остановились на своём. О нашей кличке никто не знал и, когда в разговоре упоминали Эдэса, ребята не до-

гадывались, что речь идёт об Аркадике.

У Алисы был старший брат — Рафик. Подтянутый, аккуратный, фигура эталонная — хоть статую лепи.

С Олегом невольно обращали внимание на Рафика, одет с иголочки. Приталенная рубашка, выглаженная так, что при всем желании не найти ни одной складки. Брюки пошиты на заказ, сидели на нем идеально. Прическа по высшему классу. Доброжелательный, улыбчивый, всегда помогал старшим.

Если говорить о кличках, то меня почему-то прозвали — Сиш, наверное, брат постарался. В школе мне дали другое прозвище — механический. Гаяна и Алиска прозвали меня ботаником. Может еще кто-то приобщился, но об этом мне неизвестно.

Олегу же досталось прозвище Клоп или Клопик, как мы чаще называли. О том, откуда взялись наши с Олегом клички, даже не спрашивайте — сами не знаем, не поможет и регрессивный гипноз.

Аркадик отзывчивый, позитивный, вдвоём мы всегда ходили, о чём поговорить. Разговаривали с другом часто и много, бывало, что и до часа доходило и всё наговориться никак не могли. Казалось, что столько интересных тем и вопросов непременно надо обсудить и докопаться до самой сути, что хватит на всю жизнь.

Высокий, чуть выше меня, немного нескладный и худощавый, как и я. Наши фигуры были похожими, как у братьев-близнецов. В те годы все дети за редким исключением

были худыми и легкими. Если кто-то и был полнее, то это редкое исключение.

Аркадик всегда с неизменно прекрасным настроением. От него никогда не устанешь и когда мы долго не виделись, мне всегда казалось, что в жизни что-то не так. Другу был рад всегда. Поговоришь с ним — и душа на месте.

Про Аркадика можно рассказать много всего интересно-го, целого дня не хватит. Например, как он хватал из дома огурцы, прятал их под майку, тайно делился с нами. Мы хрумкали пупырчатые жёлто-зеленые овощи на улице немывыми. Никто тогда и не думал их мыть, и ни у кого животы не собирались болеть. Про такие слова, как микробы и вирусы, и не слышали, хотя мама у меня работала в бактериологической лаборатории.

Сосед, высокий и плотный дядя Манвел, вечно ходил по двору в коричневой полосатой пижаме и белой майке, плотно обтягивающей его добротное пузо. На нем не застёгнутые сандалии на босу ногу, звон застежек слышен за сто метров. Дядя Манвел напоминал соседа из фильма «Волшебная сила» с участием Аркадия Райкина — Харитона Мордатенкова, которого играл Павел Панков.

Однажды дядя Манвел не выдержал, решительно остановил Аркадика. Дядя Манвел мужчина конкретный, как однажды выразилась тётя Женя, худющая старушенция: — Это слоноподобное существо я не перевариваю. Дядя Манвел крепкими руками схватил Аркадика и сер-

дитым голосом выдал замечание:

— Что ты за человек такой, Аркадя. Кто же так делает? Огурец надо помыть, сесть за стол, разрезать ножиком вдоль на две половинки, посолить и спокойно кушать с хлебом, а не бегать без конца как ненормальный.

Аркадик покивал, сделал вид, что согласился, но продолжал таскать из дома огурцы в большом количестве.

Это было ни с чем несравнимое удовольствие — откусывать огурцы, бегая по всему двору с шумом, напоминающим индейцев в прериях.

Здесь нельзя не упомянуть о дворе.

Двор наш большой, как государство. В нем можно организовывать занимательные экскурсии, в том числе водить людей по крышам и многочисленным закоулкам. Эх, знать бы ещё историю этого древнего, практически дореволюционного строения. Наверное, можно было бы рассказать столько всего интересного, что сюда потянулись бы историки и журналисты со всего мира.

Двор живописный, жаль, что среди нас не было художников-импрессионистов. Такие картины можно было бы написать, что на аукционе Christie's ушли бы невысохшими.

Дома располагались на трёх уровнях, напоминая настоящий итальянский двор. С уникальными деревянными балконами, лестницами и бельевыми веревками на роликах. Смотрелось все это на редкость гармонично. Старые черно-белые фотографии выглядели фото шедеврами и могли служить

иллюстрациями к энциклопедии фотографии.

Днём и ночью обязательно кто-то сушил белье. «Развешат, — как говорила Гаяна, соседская девочка. — Ни пройти, ни проехать».

Гаяна высокая, красивая и невероятно обворожительная девочка. Общительная, добрая и внимательная. У меня всегда было такое чувство, что это моя младшая сестра. Все девочки в нашем дворе особенные, необыкновенные. Каждая по-своему красивая и сказать кто из них обаятельнее и привлекательнее невозможно. В каждой заряд позитива и когда мы встречались на горке не уставали что-то обсуждать, смеяться и радоваться тому, что у нас самая веселая и дружная компания. С друзьями нам сказочно повезло.

Нередко сохнувшие простыни и наволочки срывали. Разумеется, не специально — то палками зацепим, то железяками утащим, заменителями меча и копья, то головой свалим. За это нам попадало, и не раз. Но мы особо не горевали, в одно ухо влетало — в другое вылетало. Соседские тётушки надрывали глотки, грозились всё рассказать нашим родителям. Громогласные угрозы нисколько не смущали, ведь впереди у нас столько «важных» дел. В конце концов чьим-то бельем можно было пожертвовать ради «великих» целей. На подобных мелочах даже не заикливались.

Какие только персонажи в нашем дворе не проживали. Настоящий букет характеров и ярких образов. И куда только смотрели режиссёры? Нет бы заглянуть к нам во двор и

снять потрясающий фильм. Смотрели бы народы всего мира раз по десять и даже в Африке. На Каннском фестивале точно бы присудили первое место.

Жил во дворе старый дед. Внешне напоминал Кашея. Невольно вспомнишь слова Якина из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»

— Боже, какой типаж! Браво, браво! Прошу вас, продолжайте. Замечательно. Поразительно. Гениально! Слушайте, я не узнаю вас в гриме! Кто вы такой? Сергей Бондарчук? м-м... нет. Юрий... Никулин — оу... нет-нет-нет-нет, нет-нет-нет-нет. Боже мой!.. Иннокентий Смоктуновский... Кеша!..

Древний сосед высокий, сутулый, весь высохший, но с неестественно волшебным огнём в глазах, волевым подбородком и орлиным носом. Казалось, что ему лет за девяносто точно, и двигается он, как в замедленной съёмке. Каждый из нас вначале полагал, что пенсионер ничего не слышит и не видит. Но дядя Микит мог внезапно выскочить, как волк из засады, крепко схватить за руку и гаркнуть так, что уши закладывало:

— Или туды, или сюды. Здесь туды-сюды бегать не надо! Выбирай — туды или сюды! И больше не мельтеши! Всё понял?

Нам ничего не оставалось, как покивать и смыться. Иногда у нас возникало чувство, что этот дедушка обладает магией и связан с потусторонним миром.

Мимо квартиры дяди Микита пробирались на цыпочках,

затаив дыхание и с холодком в душе. Иногда длинные доски балкона на втором этаже предательски поскрипывали. В таком случае срывались как угорелые, и каждый из нас легко мог повторить олимпийский рекорд по лёгкой атлетике.

Каждый день Аркадик отправлялся за хлебом, домой приносил пышный каравай невероятно больших размеров весь обгрызенный. Над ним всегда смеялись — как мышь выедал по кругу. Высокий хлеб называли железнодорожный. Ароматный, сероватого цвета с хрустящей корочкой, плотной и вкусной. В нижней корке иногда встречались крошечные угольки. Каравай за пятьдесят копеек мы считали самым вкусным хлебом на свете. Редко кто, кроме Аркадика, покупал целиком, преимущественно на разрез. Люди, в основном, брали четвертушку, реже половину. Ещё любили натирать корочку чесноком.

Продавался в магазинчике — метров двести от железнодорожного вокзала. Сам вокзал располагался напротив нашего двора. Каравай горячий, ароматный и высокий. Купишь, схватишь хлеб и обжигаешь руки. Вместо пакетов в то время были авоськи — сетки, которые легко умещались в кармане. Их брали взрослые, дети же покупки чаще носили в руках, бывало, что роняли. Поднимешь, подуешь и никому не скажешь.

От соблазна сразу откусить горячий хлеб удержаться трудно даже закаленному разведчику.

В хлебных магазинах приходилось отстоять очередь. Ба-

бушка посылала за хлебом, и мы терпеливо ждали своей очереди, покупали большой белый хлеб. Продавщица отрезала от огромного каравая специальной пилой. Вкус этого хлеба ни с чем не сравнить. В продаже великое разнообразие хлебов, даже на разных травах, вкусные батоны и булочки с кремом, чуреки¹. Как говорил Олег: «Было от чего офигеть». Позже он немного видоизменил высказывание и слово «офигел» менял на «ошишел».

Хлеб в магазины привозили грузовики-хлебовозы, такая большая жестянка на колесах. Свежий хлеб ждала толпа, жаждущая получить горячим. Поверх толпы грузчики в сравнительно белых халатах проносили в магазин деревянные лотки с пышущими жаром буханками. Торопливо пересчитывая, продавщица споро раскладывала хлеб на наклонных полках. И вот только теперь начинался процесс выдачи — торговля.

С той минуты, как друг рассказал про Эльвиру, я не на шутку потерял покой и сон. Мир озарился всеми цветами радуги.

Эльвира — душа нашей компании, самый настоящий огонь, молнии и вихрь вместе взятые. Невероятно симпатичная и озорная девочка, пять минут не усидит спокойно. Как метко определила тётя Таня, мама Нателлы — шило в одном месте.

Рядом с Эльвирой любые преграды нипочем, вместе каждое лето всё сметали на своем пути. Для соседей это настоя-

щее стихийное бедствие, бедняги ничего поделать не могли, и время летних каникул становилось для многих испытанием.

Особенно не любила Эльвиру тетя Сима, мы её звали тётя Симик. Скрюченная старушка в бордовом платочке, высохшая, как вобла, вся в морщинах. Вот здесь действительно полный простор для творчества фотохудожника-портретиста с мировым именем. Такую серию черно-белых снимков можно отснять, что портрет стал бы визитной карточкой агентства Магнум.

Тётя Симик вечно кричала хриплым голосом: «Эля, Эля, стойте, не бегайте».

Пыталась нас поймать костлявыми руками и остановить, но мы бабульку не слушались. Тётя Симик вечно возмущалась, как мы без стыда и совести все ломали и разбивали на своем пути. В разные стороны летели тазы, доски, веники...

Жила Эльвира в большом черноморском портовом городе рядом с жемчужиной у моря городом Одесса. Каждый год приезжала к бабушке и дедушке на всё лето. И это настоящий подарок судьбы. С «пропеллером» в короткой юбчонке из коричневой замшевой ткани мы носились до темноты по двору и не только. Ещё и на нашей любимой горке.

Стоп! Я произнес волшебное слово — горка! В двух словах о ней не скажешь, но об этом потом и всерьез.

До позднего вечера играли в разные игры, бродили по окрестностям, загнать нас домой задача трудновыполнимая.

Даже если и удавалось это сделать, мы находили хитроумный повод улизнуть ещё хотя бы на полчаса.

Радостной встречи ждал целый год, вспоминая о счастли-
вом лете буквально каждый день. Жаль, что до сих пор не
удосужились придумать машину времени. Чем только зани-
маются эти ученые?

Глава 2 Олег

Олега всегда приходилось дожидаться мучительно долго.
Бывало, что и у меня лопалось терпение, при том, что мне
не в тягость часами собирать конструктор, склеивать модели
танков и самолётов. Брат выводил меня из равновесия, ни-
чего не мог поделать с развинтившимися нервами.

Если я одевался за две минуты, брату требовалось не ме-
нее двадцати, это в лучшем случае. Олег любил невыноси-
мо долго прихорашиваться перед большим зеркалом во весь
рост, перебирая всю одежду, причёсываясь и примеряя всё,
что было в его распоряжении — от значков до ремней.

Откровенно не понимал, как можно потратить уйму вре-
мени на такую чепуху. Терпения хватало максимум минут на
пятнадцать-двадцать. Когда уставал ждать, начинал выска-
зывать недовольство. Олег невозмутимо отвечал:

— Что же мне делать, одно надено, другое. Не понравится,
потом третье. Не могу же я выходить на люди в чём попало.

— Нацепи первое попавшееся и потопали. Нельзя же так,
— резко отвечал я.

Младший брат мог примерить пять рубашек, несколько

футболок и всё равно продолжал рыться в шкафу, в надежде, что подберёт нечто сногшибательное. Ещё брат так долго причёсывался и укладывал волосы, что я фыркал и шёл на него с кулаками.

Разумеется, мы не дрались, но толкались и один раз повалились на пол, начали бороться. Со стола упала большая хрустальная ваза, с шумом разбилась. Вы думаете это нас не остановило? Вот когда грохнулась довоенная радиола на длинных ножках, мы осознали, что натворили. Прибежала соседка снизу и стала возмущаться: «Я думала, что потолок обвалился, чуть инфаркт не получила».

Оправдываться пришлось долго, но бабушка обиделась не на шутку и два дня мы ходили как в воду опущенные. Нас никуда не выпускали. Разрешили только мусор выкидывать.

Утром, часов в девять — половине десятого подъезжал бункерный мусоровоз, собранный на базе самосвала. Мусорные баки в наших дворах не водились, жильцы терпеливо ждали, когда приедет мусоровоз. Как только машина приближалась, соседи громко всех зазывали: «Мусорка приехала».

Обычно машина со специфическим запахом приезжала утром и останавливалась у двести девятого дома. Водитель или его напарник вылезал из кабины, громко трубил в жестяную дудку. На этот волшебный зов со всех сторон к мусоровозу сбегались жильцы с полными вёдрами. Мусор вытряхивался в специальный приемник сзади машины. Когда бун-

кер заполнялся, включалась система прессования — мощная плита на гидроприводе проталкивала отходы вглубь.

В нашей семье чаще всего выбрасывать мусор приходилось мне.

И у меня, и у брата был стол. У Олега цвета светлый абрикос, у меня почти черный и чуть больше. Зато у стола Олега целых пять ящиков, у меня всего один. Стояли они в разных комнатах.

Моя комната самая последняя, из неё выход на балкон. Широкий, легко садились за обеденным столом несколько человек. На балконе имелась скамейка, она же сундук, внутри хранили всякий хлам вроде банок и старых вещей. Ещё мы с Олегом часто туда что-то прятали. На балконе обычно по вечерам ужинали, пили чай. Правда таскать из кухни, а затем обратно приходилось долго, но это создавало особое настроение: мы с радостью проделывали весь этот длинный путь.

Кухня устроена отдельно, через деревянный мостик, соединяющий ряд квартир. Этот мост постоянно чинили: меняли доски.

Кухня как целая квартира, огромная комната, где вполне можно жить и не одному человеку. Здесь разместился высокий самодельный шкаф, большой круглый стол, диван, мойка, газовая плита, кухонный столик, холодильник и много чего ещё.

Один уголок я отвоевал себе — ближе к окну с низким

подоконником, заодно прихватил и его. Здесь располагалась моя мастерская, где я пилил, сверлил, собирал корпуса для цветомузыки, приемника, усилителя.

С братом мы часто ставили на перила кусок железной водопроводной трубы, переворачивались на ней, упражняясь в акробатике. Ещё на мостике прыгали и пытались как можно дольше задержаться в воздухе. Нам казалось, что на секунду удавалось преодолеть гравитацию. Во всяком случае старались изо всех сил и в какой-то миг возникало едва уловимое ощущение невесомости. Кому рассказывали — никто не верил.

На балкон любил выносить колонки и громко включать музыку. Балкон выходил на широкую улицу, через нее вокзал был виден целиком как на ладони.

Громкая музыка с балкона обычно никому не мешала, прохожие слышали её всего пару минут и не жаловались. Вот Олегу за громкую музыку доставалось. Стол брата находился в первой от входной двери комнате, и он колонки выставлял ближе к окну. Поэтому музыку слышал весь двор.

Олег любил выкрутить регулятор громкости до упора, соседи часто приходили жаловаться. Олег делал вид, что убавляет громкость, затем, когда бабушка уходила, крутил регулятор обратно.

У Олега красовался на столе новенький проигрыватель «Вега» с двумя колонками, у меня же магнитофон «Орбита» с ещё более мощной акустической системой — знамениты-

ми Radiotekhnika S-90 или проще «35АС». У Олега огромная стопка пластинок, у меня же куча катушек.

С Олегом часто вспоминали позывные радио «Маяк». Соседка тётя Нина включала радиолу на полную громкость. Десять нот из мелодии «Подмосковных вечеров» звучали от соседки каждые полчаса. Иногда любил послушать старую радиолу тёти Нины. «Маяк» передавал душевные песни, классическую музыку, новости. Всё радовало. Не нравились лишь сами позывные: «Не слышны в саду даже шорохи». Почему-то фраза навевала тоску и ассоциировалась со стремительно уходящим временем. Хотя лет-то нам было всего...

Олегу всегда почему-то доставалось, но брат несмотря ни на что мужественно выходил из самых трудных ситуаций. Он не унывал, ни разу не видел его поникшим, расстроенным.

Однажды родственники пригласили на море — порыбачить и заодно поплавать. Разумеется, от такого предложения не думали отказываться. Накопали червячков, запаслись большими вёдрами для будущего улова и отправились в предвкушении громадного улова.

Немного поплавали в море, попросили удочки. Со знанием дела принялись за рыбную ловлю. Поймали в итоге трёх малюсеньких рыбёшек. С такой скудной добычей возвращаться — со стыда сгореть, и мы все закидывали крючки в надежде, что именно сейчас выловим из моря чудо-рыбу. В один момент так размахнулись, что на крючок попался...

указательный палец Олега.

Наверное, боль он испытал невыносимую. У меня внутри все перевернулось и сжалось. Однако Олег держался стойко как оловянный солдатик, не издав ни звука. Я, наверное, орал бы на весь пляж. По секрету скажу вам, что уколов боялся, как огня. Один раз чуть со второго этажа не сиганул, когда мне собрались вколоть пенициллин в зад, тогда заболел ангиной.

Кое-как крючок из пальца удалось вытащить, я весь изнервничался и устал, будто разгрузил вагон с углем.

С тех пор дал себе слово, что никогда больше ловить рыбу не стану. Мне было жаль несчастных рыбок, плавают себе в воде и ни о чём не подозревают, а тут двуногие паразиты за ними охотятся. Как представил, что испытывают рыбки в тот момент, когда попадают на крючок...

Вернулись домой часам к семи, бабушка поинтересовалась:

— Ну как, много наловили?

— Да вот... — продемонстрировали большое ведро, на доньшке приютились три небольшие рыбки, тоньше, чем лист акации.

Чтобы как-то порадовать брата, сходил в магазин и купил ему большую шоколадку «Сказки Пушкина» и два ореховых батончика. Ничего более интересного мне в голову не пришло. Ещё бы, за свое детство я наелся шоколада на всю жизнь. Наверное, слопал целую тонну, шоколад всегда лю-

бил и мне казалось, что все остальные безумно ему рады. Однако Олег равнодушно положил плитку на подоконник и включил телевизор. Шёл фильм «Морозко», и мы с удовольствием уселись смотреть.

Через несколько дней Олег умудрился заболеть. Говорят, что простудиться в жару самое простое. Возможно, спорить не стану. У него сильный насморк, в голове тяжесть. Бабушка лечила своими народными средствами, как могла, но дела на поправку идти пока и не думали. Брату советовали несколько дней никуда не выходить. Ещё лучше придумала соседка, тётя Катя, бабушка Сережки, предложив моему брату полежать в кровати под одеялом со всякими примочками.

На миг представил Олега: вот он смиренно лежит под одеялом и не выходит никуда, пьёт таблетки и ест кашу. Чуть от смеха не подавился.

Олег как партизан втихаря выбрался во двор. Достал платок, высморкнулся и только поднял голову, как в его сторону прямой наводкой прилетел мяч. Хороший мощный удар — прямым в нос. Это соседские ребята, те, что постарше со смехом азартно играли в волейбол.

Брат через секунду высморкнулся так, что мгновенно про-чистил носоглотку. От насморка после такой шокотерапии не осталось и следа. Бабушка и тётя Катя удивлялись, как это так быстро всё прошло, что противоречит всем медицинским канонам. С тех пор мы с братом врачам не доверяем. Пилюльками здоровье не поправишь, есть более действен-

ные методы.

Самый настоящий праздник, когда во двор въезжала волнующая тележка. Торговцы баловали не так часто, как хотелось бы. Продавцы предлагали петушков на палочках и немудрёные игрушки — шарик на резинке. Петля резинки надевалась на палец, и обернутый фольгой шарик можно бросать вниз и ловить. Безделушка, но так поднимала настроение!

Ещё продавали такую крутилку на палочке, бочоночек без дна вращался на нитке вокруг палочки и звонко трещал. Сколько с Олегом покупали всякой всячины — не счесть, зато в этот момент становилось так радостно, что весь мир был нашим.

Вечером бабушка, как попросил с утра Олег, приготовила его любимую селедку с картошкой.

Бабушка замариновала селедку залом. Селёдка покрывалась луковыми кольцами, посыпалась укропом и подавалась к отварной картошке. Моей долей в каждой рыбине был жирный хвост. Селедку, по этикету, клали не на тарелку, а на обрывок газеты. Газеты в те годы успешно заменяли и салфетки, и упаковку, и туалетную бумагу.

Объелись, и все мысли крутились вокруг кровати, вроде ещё не поздно, но так хотелось полежать.

В это время открылась дверь, и вошла соседка — тётя Седа. Принесла такие вкусные пироги, да ещё и в огромном количестве, что вся комната наполнилась головокружитель-

ным ароматом.

Пришлось заваривать чай.

Тётя Седа всегда пекла открытые пироги на каком-то венском тесте с абрикосовым и айвовым джемом. Выпечка с непередаваемым вкусом не сохла в течение нескольких недель.

Олег любил ходить по магазинам, как я говорил — тряпичным. Долго выбирал одежду, обувь. Меня на аркане не затащить смотреть шмотки. Покупали родители, что посчитают нужным.

Любил ходить в магазины, где продавали радиоаппаратуру — магнитофоны, проигрыватели, колонки и особенно музыкальные инструменты. Непередаваемое волшебство, настоящая магия. Зачарованный стоял и смотрел на ударную установку, электроорганы, гитары. Особенно хотелось купить электрогитару. Играть я не мог, но очень хотелось. Однажды во сне приснилось, что рядом с диваном на столе лежит новенькая электрогитара. Красная, блестящая, все переливается и рядом усилитель с колонкой. Непередаваемое счастье переполнило так, что во сне я сразу встал, взял инструмент в руки, подключил, провел рукой по струнам и... проснулся.

Смотрю вокруг. Никакой гитары и усилителя с колонкой. Выдохнул с сожалением и подумал — нет в жизни счастья...

Глава 3 Белый

Завтрак пролетал быстро, долго не засиживались. Олег,

как правило, ограничивался бутербродом — намазывал масло на хлеб и сверху всё тщательно покрывал чёрной икрой, чтобы не пропустить ни одного миллиметра. Либо делал бутерброд с тонко нарезанным сервелатом. Я же любил вареную холодную осетрину как колбасу на хлеб. Бутерброды с брынзой мы оба терпеть не могли. Чай выпивали полчашки или вообще два глотка. Зато позже пили и пили непередаваемо вкусную воду из-под крана.

Умчался на горку, посмотрел по сторонам, никого не видать. Здесь на большой территории много сосен. Можно запросто спрятаться, что мы и делали. Горка для нас — это культовое место размером с небольшой парк. Хотя почему небольшой? Если сложить все три уровня, то суммарная площадь получится вполне приличной. В длину так вообще огромная территория, конца и края не видать. При желании на горке можно долго ездить на велосипеде.

Развлекали себя мы сами. Никто не заботился о том, чтобы соорудить детскую площадку, установить качели.

Вешали на дерево толстые веревки, перекладину — качели готовы. Неважно, что в мягком месте постоянно были занозы. Что бывало вместо веревок использовали трос. Царапались. Катались на тарзанке. Бывало, что вылетали. Никому и в голову не приходилось жаловаться, никто никогда не ныл. Еще мы постоянно залезали на столбы. Не имело значения — есть ступени или нет. Взирались как обезьяны. Занозы, царапины — обычное дело. Бывали травмы посерьез-

нее. Обдирали кожу, ударялись. Все заживало как на собаке.

Ни разу еще не случилось чрезвычайное происшествие. Мы отвечали за себя, понимали, что и как нужно делать. Чувство самосохранения присутствовало в каждом из нас. Над нами не тряслись, не контролировали каждый шаг. Часто не знали родители, где мы, с кем, что делаем. Они были уверены — мы закалялись на улице и могли свои вопросы решать сами.

В этом сказочном кусочке леса жизнь всегда шла своим чередом. Большие деревянные ворота, выкрашенные в красно-коричневый цвет, будто разделяли два мира. Суетливый и шумный почти до двенадцати ночи мир двора и таинственное, молчаливое, фэнтезийное пространство горки.

В этом особенном для всех нас месте часто встречались. Целыми днями бегали, играли, не уставали сочинять новые приключения, слушали музыку и для нас слово горка как кодовое волшебное слово. Выйти на горку это как очутиться в самом лучшем мире, где тебя ждут любимые друзья и где проходит настоящая интересная жизнь, которой нет ни в одном уголке мира.

Вечером горка буквально преображалась. Из гостиницы «Турист» всегда раздавалась весёлая, громкая музыка.

Гостиница не переставала удивлять своей формой. Будто раскрытая книга, но самое интересное — как такая девятиэтажная машина держалась на высоких тоненьких ножках.

Музыканты играли на девятом этаже, в ресторане. Всё

прекрасно слышно, как будто ансамбль выступал где-то рядом.

Как говорила наша любимая Гаяна: «Слушаешь как у себя дома».

Музыкантов знали в лицо, обычно часов в шесть вечера все пятеро шли на работу мимо нас и возвращались той же дорогой. Со стороны музыканты напоминали иностранцев — колоритные, одетые в дефицитные заграничные вещи.

Вечером железнодорожный вокзал сверкал разноцветными огнями, сверху на него смотреть никогда не уставали. С раннего утра и до позднего вечера уходили и приходили поезда, электрички, люди спешили по своим делам. Нравилось разглядывать проезжающие машины. По улице, отделяющей наш сквер от вокзала — под горкой. Развлекались как могли, загадывали, какая сейчас проедет машина. К плавно загибающейся улице спускалась большая каменная лестница. До поздней ночи неслись автомобили, ослепительно сверкая фарами.

Рядом с вокзалом водружена ещё одна гостиница, высокая башня, вся в красно-синих огнях.

А ещё ученые полагают, что телепортации не существует, ничего они в этом не смыслят. Вышел из двора за ворота и сразу очутился в совершенно ином мире, где тебя в любое время дня ждут любимые друзья, где интересно в объятьях бархатного летнего вечера.

Больше всего вечером любил слушать Радио Монте-Кар-

ло. Иногда удавалось поймать удивительно замечательную музыку. Именно тогда впервые услышал композицию Ballroom Blitz группы Sweet, I Was Made For Lovin' You группы Kiss и многие другие. Нередко даже засыпал под Радио Монте-Карло. Пел, например, Элтон Джон и выключать не хотелось.

Резво подбежала большая собака, виляя пушистым хвостом. Это Белый. Белый — замечательный пёс, действительно чисто белого цвета с добрыми и умными глазами, удивительно чуткий и внимательный.

Белым его назвал сосед, дядя Сергей с первого этажа, дальнобойщик. Дяде Сергею мы дали кличку Петух Гамбургский, по причине его задиристого характера. Дома водитель грузовика присутствовал редко, когда возвращался из рейса. Обязательно набирался до кондиции и с раннего утра начинал громко всех ругать, действуя на нервы соседям. Как он выражался: «От млада до велика». Далее шла «непереводимая игра слов». Приличными там были только предлоги.

Имелась у дяди Сергея дурацкая привычка копошиться по утрам. Как большой любитель хаша² он ранним утром включал свою горелку и с непередаваемым шумом на весь двор обрабатывал копыта.

Когда дядя Сергей набирался, он приставал и к псу: — Белунья, ты королева Англии. Ты самая прекрасная. Ход его мыслей проследить дано не каждому.

Белый, будто удивляясь, почему дядя Сергей сменил его

пол смотрел на дальнобойщика с удивлением и пятился — от греха подальше.

Затрудняюсь однозначно назвать породу Белого, метис. С виду восточносибирская лайка, но побольше и немного смахивает на кавказскую овчарку, такой же замечательный крепыш. На редкость сообразительный пёс, понимал людей с полуслова. Иногда казалось, что Белый спокойно читает мысли, только высказать ничего не может. Лаял мало, практически не повышал голос. Белый выражал недовольство, когда рядом оказывался плохой человек. В людях разбирался лучше любого начальника отдела кадров. Сразу определял, кто отрицательный персонаж. Особенно не любил пьяных, чуял их за версту.

Как ни странно, но Белый котов никогда не обижал, не гонял. Хотя в нашем дворе коты водились. Обычно они мирно сидели на крышах и перилах.

Жила в нашем дворе слепая кошка — Фрося. Соседи ее кормили, гладили. Однажды я увидел, как Белый заботливо выгуливает Фросю. Направляет, останавливает. Пёс каждый день заботился о том, чтобы Фрося могла погулять и не потеряться. Если кошка задерживалась на горке и где-то сидела, Белый подбегал к ней и провожал во двор. Место на камнях возле крыши дяди Яши знали люди и коты. Никто его не занимал и здесь всегда миски с едой и водой. Белый терпеливо доводил Фросю до места назначения. Стоял минуту, смотрел на кошку и после того, как она усаживалась, он с

чувством выполненного долга отправлялся по своим делам.

Как сказала Гаяна, кошек обижать нельзя. Когда кто-то интересовался почему, Гаяна отвечала: «Если кота обидеть, обязательно Бог накажет».

В том, что она права, мы все вскоре убедились.

Жил во дворе молодой мужчина по имени Роберт. Несколько высокомерный, надменный и не слишком общительный. Однажды Роберт со всей силы пнул кота. Да так, что все, кто наблюдал эту сцену, возмутились — нельзя так жестоко обращаться с животными. На что Роберт невозмутимо бросил что-то невразумительное.

На следующий день мы узнали, что Роберт лишился правой руки — на заводе оторвало.

С тех пор слова Гаяны мы воспринимали как руководство к действию.

Из Белого получился бы любимый киногерой. Наверное, можно было придумать целый сериал с участием Белого. Снимался бы пёс с большим удовольствием: всегда среди людей, старался быть полезным.

Глаза умные и грустные, нет даже не так. Взгляд мудрый, будто прожил Белый не меньше тысячи лет. Шерсти много, шубка добротная. Погладишь пушистого друга, и сразу на душе становится спокойно. Редко кто отказывал себе в удовольствии потрепать Белого по голове. Особенно нравилось обнимать его маленьким детям. Малышей Белый любил и никогда не обижал. Летом нашему хвостатому приятелю

невыносимо жарко, его обливали водой из бутылки, которую называли брызгалкой.

Как только начнёшь читать книгу, Белый устраивается рядом и глубокомысленно смотрит вдаль, размышляя о чём-то своем. Пёс терпеливо ждал, когда закончу читать, никуда не убегал.

Я читал всегда долго, вдумчиво. Всё, что задавали в школе на лето, прочитывал сидя на этой выдавшей виды треснувшей лавке — на горке. Классику читал с особым интересом, погружаясь в книгу. Классику любил, а вот фантастику и приключения просто обожал. Олег же предпочитал истории про французских королей и читал сидя на балконе. Выносил лучший стул и чинно садился перед балконной дверью. Соседи проходили мимо и смотрели с большим уважением:

— Вот какой хороший мальчик, не бегает, не кричит, целыми днями книги читает.

Олега обожали все соседи и всегда приводили его в пример. Как тут не любить — стройный, правильные черты лица, золотистые кудри, добрый и общительный.

Белый во всем отличался интеллигентностью. Он даже ел культурно. Не набрасывался на еду, ел размеренно. Однажды шутки ради мы отняли еду и посмотрели на реакцию Белого. Он на нас посмотрел, как на недалеких людей, с сочувствием и дождался, когда ему вернули еду.

Белый обожал гулять. Радовался, как ребенок и мог с на-

ми пройти столько, что пожилой человек без передышек не обойдется. Например, до бульвара. Это примерно три с половиной километров. Скажешь: «Белый, сиди и жди меня здесь, я через два часа приду». Пса можно спокойно оставлять, в назначенное время Белый гарантированно сидел и ждал в нужном месте. Прекрасно ориентировался в большом городе, никогда не подводил, не ошибался и не обладал скверной привычкой опаздывать. Удивительно каким образом наш пушистый друг определял время.

Белый снимал стресс лучше любого психолога и отлично поднимал настроение. Почему-то при виде пса оно становилось возвышенным, радостным. Играть с ним сплошное удовольствие. Не потрепать, не погладить, не поиграть с Белым — такого не было.

Пока гладил Белого не заметил, как появился Аркадик. На нём болталась синяя майка, вся мятая, и фиолетового цвета брюки.

Приятель стоял и внимательно смотрел на вокзал, прикрыв глаза от солнца ладонью.

— Привет, а я даже тебя не заметил.

— Московский приезжает, вот и смотрю, поезд опаздывает на час. Тётя Тамара попросила встретить и купить зефир и московские конфеты.

— Где ты там купишь? Как? — я искренне удивился.

— Хм, всё просто, даже думать нечего. В вагон-ресторан зайду.

— Кто тебя туда пустит?

— Так покупал не один раз, они спокойно продают, проводники меня знают. Дядя Низам помог познакомиться со многими.

Надо сделать лирическое отступление — Аркадик знал расписание железнодорожного вокзала наизусть, мало того, следил за прибытием поездов. Мог не задумываясь выдать какой состав и на сколько опаздывает. Мечтал стать железнодорожником — машинистом.

— Шпуля приехала? — с нетерпением выпалил я, сейчас меня интересовал единственный вопрос.

— Ага, — кивнул Аркадик.

— Буду ждать хоть до ночи, выйдет обязательно, — задумчиво протянул я.

Белый будто услышав меня понимающе кивнул.

— Ладно, пошёл я на вокзал, посмотрю, — собрался было уходить Аркадик.

— Давай, а я дождусь её. Слушай, а ты тепловоз купил вчера?

— Ага, ещё на два товарных вагона хватило, представляешь, — приятель обернулся.

— Дашь поиграть?

— Только завтра, я ещё сам не смотрел, такие красивые, как настоящие, — улыбнулся Аркадик.

— Вот здорово!

У Аркадика дома потрясающая коллекция, от одного ви-

да дух захватывало — каких только не собрал локомотивов, вагонов, всевозможных рельсов. Аркадик давно коллекционировал. Детская железная дорога с трудом умещалась на большом обеденном столе, даже когда его раздвигали. Невеоятное зрелище. Все эти многочисленные коробочки с вагончиками, паровозами, электровозами, рельсами на полочках вызывали неподдельный восторг. Это надо было не только видеть, но и подержать в руках, разглядывая все мелкие детали.

Вышли на горку все кроме Эльвиры. Олег, Алиса, Нателла, Серёжка, Гаяна. Белый бегал между нами и радостно вилял пушистым хвостом. Ни разу Белый никому не испачкал одежду как это делали многие другие собаки от радости. Каждый его поприветствовал радостными объятиями.

Весь вечер провел во дворе, караулил в надежде, что Эльвира сегодня выйдет. Я стоял в центре двора, где мужчины играли в шахматы, рядом заварной чайник, три стакана из тонкого стекла, сигареты, пепельница. Остальные расположились вокруг и активно поддерживали дядю Лёву и дядю Ширвана. Мне ничего не оставалось, как наблюдать за их игрой. В шахматы отец научил играть в три года. Давно не тренировался, но кое-что помнил и поэтому понимал, что происходит на поле боя деревянных фигурок.

Эльвиру так и не дождался. В расстроенных чувствах отправился домой.

Бабушка попросила сходить в магазин, и я охотно побе-

жал. Ещё бы, ведь так время пройдет гораздо быстрее. С детства ненавидел ждать. Как специально мне приходилось постоянно это делать.

Отправился за кефиром. Этот кисломолочный продукт вызывал неподдельное удивление. Из литровой бутылки кефир невозможно ни вылить, ни вытряхнуть. Выпускались специальные длинные пластмассовые ложки, чтобы добывать загустевший кисломолочный продукт. Кефир Белый любил, и я всегда кормил пса с удовольствием.

В магазинах кассиры и продавцы чуть ли не сакральные персоны, строгие повелители продовольственных судеб. Кассирша виртуозно стучала по разноцветным кнопкам массивного выпуклого аппарата, казавшегося мне мудрёным. Нужно ещё и ручку крутить, снизу ящик с деньгами, этот аппарат производил на меня неизгладимое впечатление. Да и сама кассирша похожа на аппарат — с таким же выдающимся бюстом.

В довершение всей этой картины над кассой висела пожарная сигнализация с так называемым «звонком громкого боя», состоящим из двух круглых серебристых чашек-колокольчиков, привинченных по центру.

Таскали мы с Олегом продукты из магазина и с рынка, называемого базаром. Носили много и часто, поэтому к тяжести привыкли. Белый был рад сопровождать куда угодно.

Ужинали обычно в шесть, реже в половине седьмого. С ужином, как и с завтраком всегда старались разделаться

быстро и не засиживаться. Ещё бы — на горке нас ждут друзья. После ужина и я и Олег украдкой брали что-то своему хвостатому другу. Лучшей наградой для нас был его понимающий и благодарный взгляд.

Сегодня на столе самое обычное блюдо. Густой суп с мясом и картошкой, с приправами, зеленью. Его мы почему-то называли соусом. Существовала и постная версия соуса — из баклажанов, эти овощи у нас назывались демьянками, бабушка часто добавляла много мяса. Особенно мне нравилось, когда она обильно посыпала блюдо ароматной сушеной зеленью.

Быстро покончив с едой, начинали дёргаться — пора бежать. Однако бабушка не спешила отпустить.

Нас ждал крепкий черный чай. Быстро выпить чай не получалось.

Подавались вкусные шоколадные конфеты, нередко торт. Традиционными атрибутами чаепитий были разнообразные варенья — из инжира, вишневое, кизилковое, айвовое, терновое³.

Радоваться жизни так радоваться. Надо мной многие смеялись — как я пью чай. Просто чая мне было мало. Минимум три, а лучше четыре ложки сахара. Это для полноты ощущений. При этом несколько шоколадных конфет я проглатывал не жуя. Обязательно варенье и кусочек торта, а лучше два. Тяга к сладостям возникла с раннего детства и укоренилась так глубоко, что сладкоежкой остался на всю жизнь. Видимо

виноваты в этом гости — хотели как лучше. Кто приходил обязательно меня угощал шоколадкой.

Настолько пристрастился к кондитерским изделиям, что искренне не понимал, зачем есть всё остальное, когда на свете столько сладостей.

Что вы думаете — Белого я тоже приучил к сладостям. Он не отказывался от булочки с повидлом, от шоколадной конфеты.

Глава 4 Эльвира

Во дворе я торчал с самого утра. Сегодня жара невыносимая. Солнце как в пустыне, ни один листочек не шелохнется. Да что там листочек — асфальт под ногами плавился.

Знал, что Эльвира обязательно выйдет, но когда? Стоял и ждал как часовой на посту.

Шпули всё нет.

Услышал, как принесли во двор чёрную икру. Продавец громко вещал:

— Икра, икра, берите икру.

Как сказала Гаяна:

— Берите.

Как будто её отдавали даром.

Сама икра продавалась из эмалированного ведра бежевого цвета. Несколько человек подбежали к торговцу.

Через полчаса заставил обернуться протяжный зов:

— Мацони, молоко-о-о, цельны-цельны молоко!

Женщина в белом халате привезла на коляске с подшип-

никами тяжеленный молочный бидон. Многие соседи ждали молочницу с раннего утра.

Белый тут как тут. И ему обычно что-то перепадало.

Бродячие торговцы приезжали из пригорода на самых ранних автобусах, электричках, поездах.

Я медленно прошёл к воротам на горку, в надежде, что Эльвиру точно здесь увижу. Подошел Серёжка, затем Аркадик. Успели наговориться, поделились новостями. Стали обсуждать, что делать завтра. Потом Серёжка убежал домой.

Шёл второй час мучительных ожиданий. Наконец увидел её, девушку моей мечты — Эльвиру.

Вся загорелая, энергичная, от нее шел сногсшибательный заряд позитива. С двумя длинными косичками, в легком коротком платице салатого цвета. Эльвира спортивная и невероятно ловкая. С раннего детства она занималась фехтованием.

— Привет! Как доехала?

— Отлично! Как у тебя дела, Никитос? — подмигнула Эльвира.

— У меня тоже всё хорошо. Почти год как в радиокружок записался.

— Радио — это очень просто. У моего папы книга есть такая. Давно приехал?

— Да. И у меня она есть. Нет, неделя всего. Могло сильно затянуться, и я бы прилетел после тебя.

— А что случилось? — с неподдельным интересом спро-

сила Эльвира.

С удивительно гармоничными чертами лица, очаровательной улыбкой и искорками в глазах. Я сразу настроился на ее жизнерадостную волну.

— Объявили посадку, мы уже с бабушкой отправились к трапу. Посадка заканчивалась, представляешь нас не пустили в самолёт, сказали, что полетим другим рейсом. Вмешалась мама, она нас провожала. Выяснилось, что вместо нас хотели посадить иностранцев. Мама тогда дала жару и нас — бабушку, меня и Олега пригласили в самолёт. А пока мама разбиралась, шло время и рейс задержали.

— Вот это да! Что-то новое придумали на это лето? — поинтересовалась Эльвира, прищулив левый глаз.

— Да пока нет, ничего путного в голову не приходит, лето ещё только началось, — с унылым выражением лица протянул я.

— Чем займемся? Не будем же играть в прятки-ловитки-ручейки-отгадай слова, — возразила Эльвира.

— Ну в числа поиграем, ещё что-то вспомним, казачки-разбойники, волейбол, резиночки, круговую лапту, вышибалы, — не сдавался я.

— Наскучило всё это. Ещё скажи классики или альчики4, — недовольно сказала Эльвира.

— Что такое альчики? — услышали мы сзади мягкий голос Нателлы.

— Кости из говяжьих ног, оставшихся после хаша, — по-

яснил я, обернувшись.

— А зачем? Что с ними делать?

— В альчики играют даже взрослые. В укромном месте собираются в кружок, сидят на корточках и бросают по очереди «кости». Надо, чтобы альчик встал на ребро. Взрослые играют на деньги. Дети играют на альчики. Их натирают об асфальт, чтобы сделать их ровными и плоскими. Так они лучше становятся на ребро. Это тёски, то есть стесанные. Некоторые сверлили сбоку отверстие и заливали туда свинец. Чтобы легче было кинуть альчик на ребро. Честно говоря, мне это совсем неинтересно.

— Понятно, — уныло проговорила Нателла, поправив длинные русые волосы.

— Сколько можно? Каждый год одно и то же. Хочется сделать что-то такое, чтобы запомнилось на всю жизнь! — Эльвира потрясла кулаком в воздухе.

К нам присоединилась Алиса, плотненькая девочка с прямыми темно-каштановыми волосами и хитрым взглядом, но невероятно общительная, эмоциональная и отзывчивая.

— Вспомни ещё, как играли в семь стёкол, а на Первой Завокзальной на площадке играли с самодельными клюшками в хоккей с мячом. Раньше это было интересно, а сейчас мы на год повзрослели, — эмоционально высказала Алиса.

Белый улегся рядом, слушал нас, думал о своем и глубоко-комысленно смотрел вдаль.

— Давайте завтра всех позовем, вместе и обсудим, —

предложил я и посмотрел вопросительно на Эльвиру.

Согласен на всё, лишь бы чаще быть рядом с ней. Было в ней невероятное обаяние и особый магнетизм. Девушка мне нравилась, но я боялся в этом себе признаться. Многие замечали мою симпатию, однако, когда кто-то намекал на это, я всегда отнекивался: «Что вы такое говорите? Вы всё это придумали».

— Класс! Давай! Считаю, что это правильное решение, думаю, все ребята нас поддержат, — в глазах Эльвиры вспыхнули искорки.

Эльвира умела заряжать, спокойно сидеть она не могла: ей всегда надо было что-то делать, куда-то бежать. Мощный заряд передавался окружающим.

На следующий день собрались в три часа, как и договаривались. Эльвира вкратце обрисовала ситуацию, в конце добавила:

— Ребята, может, что-то невероятное придумаем, что запомнится нам на всю жизнь?

— Здорово, мы обязательно подумаем, — хором ответили друзья, воодушевившись.

— Слушайте, давайте сделаем так — всю ночь думаем, утром соберёмся пораньше, а то мы с папой завтра днём в гости пойдём, — с вдохновением добавила Эльвира.

— Нельзя часа в два хотя бы, я боюсь, не успею ничего придумать, — почесала голову Алиса, нахмурившись.

Затем она сняла заколку в форме бабочки, распустив во-

лосы.

— Не, не получится, папа скоро уезжает, обещал со мной в гости к родственникам зайти.

— Все понятно. Давайте отложим до завтра. Сейчас расходимся, не будем терять время, — по-военному чётко ответил Серёжка и посмотрел на часы, никелированный хронометр недавно получил в подарок на день рождения.

Как только Серёжка обзавелся наручными часами, постоянно на них посматривал, каждый шаг сверял по ним и никогда не опаздывал.

Кличку ему дали — Серый, и все давно к ней привыкли. Любимое дело Серёжки футбол, он обожал его в любом виде. Серёжку можно было часто видеть не только на школьной футбольной площадке, но и под окнами кухни. Здесь, на небольшой скамейке-сундуке, часто собирались дворовые фанаты настольного футбола.

Футбольное поле кто-то из соседей вырезал из листа фанеры и покрасил в тёмно-зелёный цвет. Ворота сделали из металлического прута, сзади натянули сетку. Можете не верить, но это было именно так — играли пуговичками. Каких только пуговиц не нашлось в коллекции Серёжки и его старшего брата Саши! За этим настольным футболом ребята собирались через день-два.

Меня часто приглашали, но я не решался. Честно говоря, так ничего и не понял — каким образом они играют этими пуговицами. Единственное, что выяснил, в качестве мяча у

них самая маленькая белая пуговица, обычно такие пришивают на рубашки. В руках же у них были огромные черные или коричневые пуговицы. Такие обычно есть на пальто. Когда играли, об этом знал весь двор: шум стоял непередаваемый. Азарт — как будто проходит чемпионат мира.

Был еще настольный футбол с миниатюрными фигурками футболистов на пружинках. В него играли, но меньше. В качестве мы использовали горох, отбирали самую большую горошину.

Раз уж речь зашла о футболе нельзя не вспомнить Артура. Это друг Серёжки, наверное, самый близкий и лучший. Неразлучные друзья играли в футбол и за столом, и на футбольной площадке. Из Артура получился бы самый лучший футболист, которого не стыдно выставить в сборной СССР. Достаточно беглого взгляда: спортивный, энергичный, движения отточенные. Играл в футбол талантливо, вдумчиво, двигался красиво и молниеносно. Когда играл — забывал обо всем и старался из последних сил.

Однажды ребята играли в футбол. Бегали много, выкладывались. Погода стояла жаркая, мяч гоняли нещадно. Когда закончили все мокрые как после ливня. Но кто в наши детские годы думал о том, что надо пойти домой, переодеться и остыть. Артур прилег на лавочку и незаметно уснул. Проспал несколько часов. Его так продуло, что проснулся с дикими болями, не в силах разогнуться. Пришлось вызывать скорую.

Про Артура можно смело сказать — мировой парень. Добрый, отзывчивый. Посмотришь на Артура и подумаешь: именно таким и должна быть достойная советская молодежь. Разумеется, многим до Артура далеко. Столько хороших качеств в одном человеке — это невероятно, но факт. Ни одного плохого слова в его адрес за все время я ни от кого не услышал. Да что я, никто не слышал. Любой житель нашего двора это подтвердит. Попробуйте найти второго такого в мире. Не одну пару сапог стопчешь пока найдешь. И найдешь ли? В те годы я уже слышал такое выражение — строитель коммунизма. Почему-то глядя на Артура, всегда думал — именно таким и должен быть настоящий строитель коммунизма. Гармоничный и внутренне, и внешне. Правильные черты лица, идеальная фигура и ни капельки лени.

Если мой дорогой читатель подумает, что слишком нахваляю, это далеко не так. Наоборот, еще о многом не поведал. Артур настоящий боец. Смелый, решительный. Сильный духом человек. Скажете так не бывает? Вот он — герой перед вами. Как говорят — на таких мир держится.

Ночью мне не спалось, в голове сверкал настоящий калейдоскоп. Идеи вспыхивали как фейерверк. Внезапно загорался, мысль крутилась подобно яркому огоньку в ночи. Затем все яркие представления стремительно падали как осенний листопад и казались нереальными.

Первую идею, сварганить из веревок канатную дорогу, я решительно отмел, сам в неё не поверил. Сделать не так уж

и трудно, если постараться, но вряд ли она будет вообще работать, только насмешу всех. Ещё не дай Бог, если с кем-то что-то случится — простить себе этого не смогу.

Вторая мысль поначалу казалась мне единственно ценной — возвести из камней гору или башню. Долго выбирал, склоняясь к небольшой горе. Горка на горке, а что? В этом что-то есть. Почему бы нет. Три часа смаковал новоиспеченную идею, даже наброски сделал в тетрадке. Но и здесь засомневался в целесообразности последней задумки, да и в наших возможностях не совсем был уверен. Где взять столько камней? Вдобавок они невозможно тяжёлые. Ну сложим мы кое-как два-три ряда, а как дальше? Нужно скрепить цементом. Где его взять и как размешивать? Вопросов возникло столько, что больше об этом думать не хотелось.

Третья идея пришла в голову в середине ночи. Проснулся, представил всё в мельчайших подробностях, и дальше не спалось. Что, если в самом низу горки, там, где над дорогой тянется возвышение и простирается ровный участок длиной около ста метров и шириной двадцать, организовать водоём? Сначала мысль показалась интересной, обдумывал проект долго и основательно. Даже представил, как там будут плавать утки, к утру воображение дорисовало лебедей. Можно даже камни бросать в пруд, нет, лучше кораблики пускать, устроить соревнования среди судомodelистов.

Не, ну в самом деле, натаскаем много воды, ведра выпросим у взрослых, в каждой семье хотя бы одно точно найдется.

Во дворе два крана — внизу и наверху. Нас много, человек восемь, попросим других ребят помочь или вообще взрослых. Вряд ли откажут. Самый настоящий пруд — это просто здорово. Что можно придумать лучше?

Эх, как же много придется таскать воды, сил не хватит. Через минуту возникла мысль: что, если попросить соседа, дядю Имрана? Он же работает начальником в жилуправлении, подъедет машина и выльет бочку воды. Следом подумалось: цистерны не хватит, надо сделать рейсов десять-двадцать, нет тридцать и получится озеро, а мы каждый день будем доливать ведрами, чтобы вода не уходила. С этими мыслями незаметно уснул. Во сне видел, как Эльвира кормит хлебом уток и лебедей.

Утром спустился по лестнице в нижний двор. В проходе всегда таинственное и темное царство темноты и прохлады. Высота прохода метров пять, не меньше. Освещения здесь никогда не было, и ночью свет шёл только с противоположной стороны от входа. Стены сложены из больших грубых массивных камней. Они всегда казались чуточку мокрыми, и вся обстановка здесь напоминала средневековье. Осталось только факелы на стены приделать.

Я вышел через высокие деревянные ворота, покосившиеся под собственным весом. Нижние ворота никогда полностью не открывались. Подумал, вдруг увижу кого-то из ребят. Иногда собирались в этом полутёмном проходе или на выходе на улице, но здесь никогда надолго не задерживались.

На горке привычнее и уютнее.

Кроме Адика никого не встретил. Адика считали взрослым, на вид ему лет двадцать с небольшим, и, понятное дело, с нами — мелюзгой — он не водился. Но всегда здоровался и ко всем относился с большим уважением.

Со стороны Адик напоминал цаплю: закинет тощую длинную ногу на метр и грызет семечки без остановки. Так почти двухметровый Адик мог простоять хоть час, перерабатывая внушительный объём семечек. Всегда удивлялись, как у него нога не затекает и как в такого тощего человека вмещается столько семечек. После него без дворника с огромной метлой не обойтись. Длинный остроносый туфель стремительно обрастал шелухой. Казалось, ещё немного и брючина утонет в тёмно-серой массе. Никто из нас даже не знал, как зовут молодого человека на самом деле, все называли долговязого Адиком, может, это и есть полное имя.

Говоря про семечки, нельзя не вспомнить тётю Маню. Семечки у нас продавала только она, полная и крикливая женщина с кудрявыми волосами и всегда в ярких цветастых платьях. Восседала королева семечек на небольшой табуретке, прямо на улице, напротив покосившихся ворот соседнего двести тринадцатого дома. Рядом на второй табуретке стоял внушительных размеров эмалированный таз с жареными семечками. Пахли семки так вкусно, что, когда проходишь мимо, удержаться от соблазна купить кулёк за десять копеек невозможно. До позднего вечера бойкая женщина, зазывая

прохожих, реализовывала самый востребованный товар.

Покупала тётя Маня оптом на базаре сырые семечки, жарила, подсаливала. Люди в нашем и соседних дворах знали, что всегда можно купить кулёчек семок для придания жизни дополнительного уюта.

Семеро детей тёти Мани росли сами по себе. У всех такая же пышная шапка волос. Говорят, муж у неё тоже был кудрявым, где он сейчас — одному Богу известно. Росли детишки в спартанских условиях и не думали обижаться на судьбу. Купала тётя Маня свою ребятню прямо во дворе, с довольной улыбкой поливая холодной водой из шланга. Кулинарными изысками семью не баловала, объёмная кастрюля борща решала вопрос с питанием надолго. Самое интересное — все семеро ни разу не болели. Несмотря на столь суровые условия, все её молодые спартанцы были внимательными и заботливыми. Всегда соседям помогали, носили сумки и добродушные улыбки не исчезали с их чумазых мордашек.

Поздоровавшись с Адиком, я завернул за угол, прошел мимо дома Нателлы и поднялся до середины высокой каменной лестницы. Остановился у нашего места — площадки с лавкой под живописной сосной.

Немного постоял и через пять минут увидел, как в мою сторону идет Аркадик. Иногда у меня возникало чувство, что друг жил на горке и домой изредка заглядывал, чтобы быстренько поесть и убежать на вокзал.

В этот момент вспомнил один занимательный случай. Я

невольно улыбнулся. Жил по соседству — за стенкой Серёжка. Да, тот самый, с которым мы дружили. Папа Серёжки — дядя Жора работал шеф-поваром в одном из центральных ресторанов. Готовил — пальчики оближешь. Мастер от Бога, это без малейшего преувеличения.

Углядели мы с Аркадиком у Серёжки на кухне под потолком связку разноцветных перцев. Висели головокружительные, аппетитные перчики — желтые, красные, длинные и заостренные. Их много, яркие, как ёлочные игрушки. Не перчики, а сувениры самые настоящие.

Сколько ни выпрашивали, Серёжка нам их не давал. Даже предлагали поменяться. Аркадик на вагон из его сокровищницы, я на старый бабушкин театральный бинокль. Однажды всё же допекли Серёжку, и он как-то хитро на нас посмотрел, засопел и скрепя сердцем выдал каждому по перчику. Мы с Аркадиком разве что в ладоши не захлопали от радости. От души поблагодарили Серёжку за столь щедрый подарок. Тот покивал и усмехнулся:

— Ну посмотрю я на вас.

Чуть позже едва слышно добавил:

— Как будто из железа сделаны.

— Да не переживай ты, всё в полном порядке, — уверенно ответили мы Серёжке.

— Сейчас съедим и даже глазом не моргнём. Нашел, чем испугать, — с усмешкой добавил Аркадик.

Серёжка хмыкнул и пожал плечами:

— Я вас предупредил, чтобы родителям потом не жаловались. Поняли?

— Даже и не подумаем, мы что тебе, маленькие дети, что ли? — обиженно протянул Аркадик.

— За кого ты нас принимаешь? — нахмурился я и посмотрел на Серёжку исподлобья.

Держим мы с Аркадиком в руках по перчику, ему достался красный, мне желтый. Надкусили, посмотрели друг на друга, пожали плечами, посмеялись. Вроде всё в порядке, ничего не поняли.

Почувствовали силу перцев дяди Жоры мы, когда добрались до середины загадочного овоща. Чтобы не выглядеть перед Серёжкой маменькиными сыночками и слабаками, мы со слезами на глазах дожевали огненные перцы.

Молча.

Стоим оба как истуканы, краснеем, глаза округлились, предательски закапали слезы. Казалось, мы даже дышать перестали.

Серёжка нахмурился, всмотрелся и спросил:

— Горит?

— Нет, всё в порядке, так, ерунда, — едва шевеля губами, процедил Аркадик.

Еле сдержали себя, чтобы не побежать. Рванули, когда закрыли за собой дверь. Бегом к крану в нижнем дворе, тот был ближе. Выпили, наверное, литров сто. Никак не мог дождаться, когда Аркадик отойдет от крана, казалось, прошла

вечность. Здесь мы совершили большую глупость — сразу полезли руками в глаза. А я еще и в нос. Что творилось у нас с глазами, ртом и носом — не передать словами. Огонь на лице и внутри загасили не сразу. Натерпелись мы с Аркадиком, но дома никому и слова не сказали о случившемся. Никогда не сомневался в том, что Аркадик не сдаст. Ещё ни разу он меня не подводил, обо всём, что я просил, никогда не забывал, всегда выполнял мои просьбы. Именно таким и должен быть настоящий друг. Если вы своей жизни встретите такого человека: берегите его, дорожите им.

Серёжку мы поблагодарили, но теперь на перцы смотрели как на экзотические сувениры.

— Аркадик, ну а ты чего придумал?

— Да не знаю. В голову ничего не приходит, — отмахнулся Аркадик.

— Ну покумекай, время ещё есть, пока ведь никто не пришел. Может, сообразишь что-то? — покосилась Эльвира, хитро прищурившись.

— Не знаю, как нарочно, ни одной ценной идеи, — пробубнил Аркадик.

— Правильно, у тебя все мысли только про вокзал, — поиздевался я.

Друг только пожал тощими плечами и пригладил волосы. Мы с Олегом всегда шутили, как Аркадика так стригут, что сверху получается ровная площадка. «Или у него голова такой формы», — удивлялся Олег.

У меня были длинные, как говорила тётя Сиран — «Под Битлз». Начиная с четвертой четверти, иногда и с третьей я не стригся и отращивал волосы.

Все знали, что Аркадий будет работать железнодорожником. С детства его как магнитом тянуло ко всему, что связано с железной дорогой. В день по два-три раза мчался на вокзал, сверял расписание со своими записями в блокноте. Подшучивали: «Ты, наверное, даже уроки так старательно не делаешь». Аркадик никогда не обижался.

Что касается железной дороги — Аркадик знал от и до, будто закончил железнодорожный институт. Какие тепловозы и электровозы для чего предназначены, какие вагоны в каких составах, много чего еще мог рассказать, если спрашивали.

Однажды имел неосторожность поинтересоваться маневровыми тепловозами. Аркадик мне прочитал исчерпывающую лекцию. Хоть иди теперь сдавай экзамен. Да какой экзамен — можно смело писать дипломную работу.

Полчаса слушал про то, какие они — маневровые тепловозы, как работают, какие функции выполняют, где ночуют и как их обслуживают. Аркадик даже кличку им дал — маленький да удаленький. С тех пор перед тем, как поинтересоваться у Аркадика железнодорожными вопросами, десять раз думал.

Наконец все вышли, я посмотрел вокруг и громко вздохнул:

— Шпули нет.

— Она любит поспать, — хихикнула Нателла, грызя ногти.

— Не грызи, глисты заведутся, — сделал замечание Гаяна.

— Может, позовём? — махнул рукой Аркадик, приглашая пойти за Шпудлей.

— Давайте, только быстрее, — хором просили ребята.

Мы с Аркадиком поднялись к верхнему двору, Белый увязался за нами.

На втором этаже дома, где жила Эльвира, на балконе, увитом виноградником, вальяжно расположился плотный мужчина лет семидесяти. Одет в бело-зеленую клетчатую рубашку, с подтяжками и седым ёжиком волос. Человек, напоминающий старого шерифа из ковбойских фильмов, не торопясь завтракал.

— Здравствуйте, дядя Ованес!

— Чего припёрлись? — хриплым, скрипучим голосом ответил сосед.

— Эльвира дома?

— Эльвира, выходи, женихи твои припёрлись, — повернулся к окну дядя Ованес.

— Слушай, а что это у него на столе десять яиц? — прошептал я на ухо Аркадику.

— А ты что, не знал? Он каждый день съедает на завтрак по десять яиц, — едва слышно просветил меня Аркадик и хихикнул.

— Вы что там шепчетесь? Сейчас Эльвира выйдет, а вы мотайте отсюда. Ещё и собаку с собой привели. Будете плохо себя вести — внучку на улицу вообще не выпущу.

Первым поделился наработанными идеями Серёжка:

— Мечтаю выкопать потайной ход в пещере, закрыть его снаружи и там спрятаться. Представляете, никто нас не найдёт. Сделаем лазейку. Как раз за месяц-два выкопаем большую и глубокую яму, там мы будем тайно собираться и никому не помешаем. Оборудуем всё, старые вещи натаскаем. Нужны только лопаты да вёдра.

Серёжка стоял довольный и улыбался, бросил взгляд на часы. От него исходил яркий внутренний свет. На лице всегда искренняя и добродушная улыбка. Ни разу никто не слышал от Серёжки ничего плохого и казалось, что он из какого-то параллельного измерения, где живут святые. Настоящий эталон — именно таким должен быть герой, положительный персонаж. Из доброй сказки, где нет места злости, унынию, негативу. Серёжка необыкновенный светлячок, не устающий излучать радость. Это большое счастье, что у меня такой замечательный сосед. Гармоничная внешность, правильные и красивые черты лица — мировой кинематограф многое упустил, в свое время что не пригласил его на съемки детских и юношеских фильмов.

Посмотрел на бледного, худощавого Серёжку и добавил про романтический водоём с птицами: предложил сделать островок с постройкой для пернатых.

— Так, классно, уже две идеи есть, давайте остальные колитесь, — Эльвира серьезно оглядела всех.

— Вот замечательно. Мне кажется, что всё нам подходит, давайте выберем что-то одно. С озером вообще отлично, — Аркадик заулыбался и потёр ладони.

— А мне яма понравилась, это же здорово, сделаем тайный ход, представляете, настоящая глубокая пещера, натаскаем туда всякой всячины, коврик можно постелить, скамейку принесем, приёмник из дома притащим, еду будем носить. Никто и знать не будет, где мы, — добавила Нателла, покусывая ногти.

— Всё? Выдохлись? Мысли закончились? — командирским голосом спросила Эльвира.

— Нет. А что, если мы сделаем плот? Вот! — выпалил неожиданно Аркадик.

На него посмотрели с недоумением.

— Плот — это хорошо, но где? До моря такую тяжесть явно не дотащим, — рассмеялся Сережка.

— Отвезём, — пробурчал Аркадик.

— Да ты что? Это же целый грузовик нужен и подъемный кран. Не представляешь, как это трудно, сложнее, чем есть острый перец, — с усмешкой возразил Сережка.

— Может, попросить кого-то? — поддержала Гаяна.

— Нет. До моря слишком далеко, плот надо сколотить прямо на берегу, — пояснила Нателла.

— Ага! Замучаемся каждый день пешком чапать до мо-

ря, туда на автобусе ехать целый час. Куча проблем. Не, не получится, слишком долго и нудно, — решительно выдала Эльвира.

— Какой час? Больше! Правильно, надо придумать что-то другое, — нахмурился Олег.

— Думайте, думайте, время ещё есть... — подбодрила Эльвира, наморщив невысокий лоб.

— Что-то все мысли закончились. Может, громадную яму выкопаем и сделаем глубокий колодец, — подняла голову Нателла.

— Хе! Ты представляешь, сколько придется копать? Руки же отвалятся, экскаватора у нас нет, — захохотала Эльвира.

— Оставим до завтра? — предложил Аркадик.

— У нас так лето закончится, если всё время будем откладывать, — помотала головой Эльвира.

— Не, давайте еще один день подумаем, — настаивал я.

— Хорошо, Никитос, договорились, только взаправду давайте. Думайте все и не отлынивайте. Никакие отговорки не считаются, чтобы завтра каждый что-то обязательно придумал, — скомандовала Эльвира и строго посмотрела на всех как учительница на учеников.

На завтра у нас ничего не получилось, так как весь день лил дождь, и никто носа не высунул из дома.

Как всегда, в дождь крыша у нас протекала, особенно в последней комнате — та, что примыкает к балкону. Сколько бы ни ремонтировали крышу, в дождь она постоянно текла.

Приходилось подставлять под часто капающую воду тазики и вёдра.

В девять вечера дождь прекратился на полчаса. Мне не сиделось дома, и я не выдержал и вышел во двор. Никого не встретил, затем увидел Алису. Вместе вышли на горку, постояли немного, поболтали. Снова начался дождь, и мы вынуждены были пойти домой.

Встретились через день. Все как один пришли вовремя: не терпелось поделиться новыми идеями.

— Сделаем самый большой костёр. До небес, — азартно выдал Аркадик с блеском в глазах.

— Умно, просто невероятно умно. Ты что, две ночи об этом думал? И как ты себе это представляешь? — с иронией спросила Эльвира.

— Соберём отовсюду ветки, палки, натаскаем за лето и зажжём вечером, сделаем огонь до неба. Представляете, как будет здорово! — с неподдельным восторгом выдал Аркадик.

— А что? На самом деле хорошая идея! — эмоционально поддержал его Серёжка, у него была привычка не заправлять рубашку, он её часто завязывал снизу узелком.

— И картошку пожарим, — обрадовалась Алиса, вскинув тоненькие брови.

— Опять костёр! Я категорически против! — Гаяна внимательно посмотрела на Аркадика, хлопая длинными красивыми ресницами.

— Объясни, чем ты недовольна, — Аркадик наклонил голову, приготовившись внимательно слушать.

— Ладно, когда пекли картошку. Но когда в костер ради эксперимента вы бросали всякий хлам и смотрели, как он будет гореть.

— Ну сжигали и что? — возразил Аркадик.

— Чего только там не было! Куски резины от автопокрышек, аккумуляторы, смола, асфальт. А какой густой и едкий дым валил от ваших костров! Приходилось убегать во двор, чтобы не задохнуться или не получить по шее за такие дела, — возмущалась Гаяна.

— Да скучно это, все каникулы таскать дрова, чтобы за один час все спалить и на следующий день забыть, — Эльвира наградила всех пронзительным как укол рапирой взглядом.

— Почему бы нет? — встрял я.

— Не, давайте придумаем что-то другое, поинтереснее, — возразила Эльвира.

— Вот. Давайте думайте, от каждого хотя бы по идее, — добавила Нателла.

Она была нарядно одета — белые брючки, белая кофточка и пёсик Тотошка на ручках, тоже белый и, как всегда, с грязными лапками. Как выразилась Алиса, ухоженная и избалованная болонка. Мы всегда удивлялись, как Тотошка ориентируется в пространстве. Ведь глаза у него практически полностью закрыты длинной челкой.

Гаяна пояснила:

— Болонкам стричь шерсть над глазами нельзя, это вредно для них.

— Сколько можно думать, спорить, выбирать, вы всё отметаёте, не можем же мы всё лето так и просидеть, — отвернулся Серёжка.

— А что, если мачту или вышку сделать. С лестницей, — внезапно предложил Аркадик.

— И что ты там будешь делать — торчать как флюгер? — усмехнулась Эльвира.

— Поднимемся, будем стоять, смотреть, — терпеливо пояснил Аркадик.

— И много ты там углядишь? — спросила Эльвира.

— Бинокль возьмем. У меня есть, театральный, — с радостью предложил я.

— Не, театральный ерунда, у старшего брата в ящике стола лежит настоящий, морской. Аркадик залезет и будет смотреть на любимый вокзал, все поезда встретит и ни один не перепутает, все таблички увидит, — улыбаясь добавил Серёжка, затем перевел взгляд на часы.

— Отлично! — потёр руки Аркадик.

— Ещё мысли есть? — Эльвира окинула всех требовательным взглядом.

— Есть, ещё как есть, — подняла руку Нателла, выпустив Тотошку.

— Тогда говори, — потёрла курносый носик Эльвира.

— Шалаш.

— Ну, так себе идея... — протянула Эльвира.

— Из веток, досок. Сварганим огромный шалаш на всех и будем там собираться, от дождя прятаться, и не придется по домам сидеть. Лавки притащим, — оживленно проговорила Нателла.

— Думаю, надо построить крепость. Что там твой шалаш — ерунда, мелочь, а вот целая крепость — это да! — глаза у Эльвиры загорелись.

— Из песка, что ли, будем строить? — звонко рассмеялась Нателла, поправив длинные шелковые волосы.

— Какой из песка! Из досок. Частокол вокруг выставим, в середине будет стоять замок.

— Не получится, — нахмурилась Нателла и отвернулась.

— Это ещё почему? — возразила Эльвира, наклонив голову.

— Где мы найдем столько досок? Ты представляешь, сколько надо — забор, вышка, шалаши, — вздохнула Нателла, прикрыв глаза.

— Если захотим, найдем! А сидеть и во всем сомневаться, лишь бы ничего не делать, проще всего, — недовольно процедила Эльвира.

— Итак, крепость! — поддержал я.

— Да, хватит спорить, пора уже делом заняться, — твердо сказала Эльвира.

— Давайте тогда начнем, я не против, — добавил Арка-

дик.

— Тебе лишь бы самому ничего не придумывать, — недовольно посмотрела на него Нателла.

— Просто мне понравилась эта идея, — Аркадик потёр лоб.

— Давайте обойдемся без родителей, — встряла Алиса.

— Кто бы спорил, — легко согласился Серёжка, посмотрел на часы и по-военному быстро удалился.

Стройный, высокий, подтянутый.

— Всё. Тогда начали, и больше мы ничего не выбираем, полный вперед и ни шага назад, — заключила Гаяна.

Договорились встать рано утром, в пять часов. Мне поручили обойти всех, я был ответственным за сбор. Первым позвал Аркадика, затем вдвоём направились к дому Алисы.

Поднял голову и увидел, как на открытом балконе в соседней с Алисой квартире восседал дядя Азад и с наслаждением уплетал хаш, рядом с тарелкой возвышался хрустальный графин.

— Эй, а что вы так рано? — крикнул нам дядя Азад, затем опрокинул стопочку.

— А вы, дядя Азад, чего так рано встали? — строго спросил Аркадик.

— Я на работу иду, а вам бы ещё спать да спать, — прохрипел, прокашлявшись, дядя Азад.

— Ну и мы собираемся по делам.

— Смотрите, не хулиганьте! Узнаю, что хулиганите, уши

оторву!

Мы с Аркадиком постучали к Алисе, она уже встала и через пять минут вышла. Весёлая, улыбочивая и энергичная. С шутками, прибаутками.

Дядя Азад в серых полосатых штанах, тапочках на босу ногу и белой майке собирался на работу. В одной руке он держал две большие малярные кисти, другой перебирал коричневые четки. Рядом скакала крошечная нервная собака и истерично лаяла на Белого. Тот смотрел равнодушно, и казалось, думал о чём-то возвышенном.

— Чибуш! Ко мне! — строго приказал дядя Азад.

Злобный пёс породы Чихуахуа попытался укунить за нос Белого, но тот держался достойно и проявлял чудеса выдержки.

— Кому сказал, Чибуш, ко мне! Я на работу из-за тебя опаздываю, паршивец.

— Дядя Азад, вам не трудно будить Алису в пять утра каждый день, вы всё равно рано встаете? — хором попросили мы.

— Её мама меня не убьет?

— Нет, все в порядке, мы спрашивали.

— Зачем вы так рано встаете?

— Потом узнаете. Это большой секрет, — ответил я.

Посмотрел на кустистые седеющие брови дядя Азада и его большие остроконечные уши и подумал: «Ему бы в фантастических фильмах играть, а не заборы красить».

— Озорники! Смотрите не шалите! Знаю я вас! — погро-

зил дядя Азад пальцем, ловко перебирая свободной рукой коричневые четки, с ними он никогда не расставался.

Белый отправился за нами. Обернулся, бросил взгляд на нервную собачонку дяди Азада и сопровождал нас весь день.

Дядя Азад подрабатывал маляром. Рано утром приходил в известное всем место за молочным магазином, где собирались все желающие подработать и заказчики — кому что-то починить, кому покрасить, кому крышу подлатать.

Днём раздался бодрый голос:

— Манвел, мёд! Манвел, мёд покупай!

Высокий тощий продавец мёда с коричневым саквояжем с золотистыми застёжками и длинной сумкой ходил по двору и зазывал дядю Манвела купить у него мёд. Как правило, дядя Манвел даже не реагировал на персональное приглашение. Зато многие соседи охотно покупали и с острыми шутками звали дядю Манвела.

Больше всего ненавидела торговца мёдом супруга дяди Манвела — тётя Кнарик. Мы её звали тётя Фонарик. Нервная особа в очках. Однажды она во всеуслышание призналась:

— Когда я нервничаю, я ем без перерыва.

При взгляде на неё хотелось выдать тётушке Кнарик путёвку в санаторий неврологического профиля.

Супруга дяди Манвела частенько нам делала замечания:

— Не бегайте, не шумите, идите играть в другое место, у меня так голова болит. Вам этого не понять.

В то время мы на самом деле не могли себе представить, как это бывает, когда болит голова.

Кто только не заходил в наш двор, расположенный в самом центре города на пересечении трёх улиц.

Предлагали чинить, паять, точить ножи-ножницы, а также покупать кефир, зелень и многое другое.

Не забывали нас и музыканты. Пели и играли на разных инструментах. Больше всего им радовались дети. Заходил контуженный бывший пленный немец. Он так и не уехал на родину, а стал бродить по дворам. Немец играл на губной гармошке и этим зарабатывал себе на пропитание, в старом обмундировании, без шинели, зимой и летом грязно-серо-зелёного цвета, обветшалом до невозможности. Дети кричали ему:

— Гитлер капут!

Немец с кривой усмешкой соглашался с ними и отвечал:

— Гроссе Сталин!

Дети называли немца нашим фрицем, и все соседи гордились, что немец перешёл на сторону русских.

Днём мы все вместе часто совершали небольшой поход в хлебный и кондитерский, потом заходили попить газировку в небольшом павильоне. В высоких конусообразных емкостях продавался самый вкусный на свете сироп — вишневый, тархун, яблочный, грушевый. Нередко просили двойной, а кто-то даже тройной. Бывало, вечером бабушки и родители посылали с трёхлитровой банкой за газировкой на

всю семью — к тётё Соне.

В хлебных магазинах обычно покупали разные булочки за десять копеек. Нателла любила простые «Городские», Алиса с джемом, Эльвира в форме сердечка — посыпанную сахаром. Аркадик обожал бублики, особенно румяные. Стоили бублики пять копеек, с маком — шесть. Иногда хватало терпения донести горячие бублики, обильно посыпанные маком, до дома, чтобы съесть их со сметаной.

Мне больше всего нравились коржики, большие, пышные, свежие, я их просто обожал, особенно со сладким чаем. Непременно с четырьмя ложками сахарного песка. Можно еще и со сгущенкой.

Больше всего нас привлекали кондитерские магазины. Всё, что в них продавали, было ярким, пестрым. Глядя на пирожные, торты и конфеты, мы представляли, как же всё это головокружительно вкусно. Из развесных в основном лежали на прилавках «Ромашка», «Ласточка», «Каракум», «Красный мак», батончики, помадки, сосульки-барбариски, подушечки, продолговатые ириски «Золотой ключик» либо квадратные «Кис-кис», притягивали взгляд как магнитом здоровенные конфеты «Гулливер», их продавали поштучно. Все обожали леденцы «Монпансье» в круглых жестяных коробочках.

Конфеты в коробках считались деликатесом, дети их не покупали. Обычно брали для подарков — врачам, учителям, директорам.

Мама Аркадика покупала две, бывало, три или четыре разные коробки. Конфеты старательно прятала в глубинах высоченного шкафа.

Туда подкрадывалась младшая сестрёнка Аркадика — Гаяна и по чуть-чуть угощалась из каждой коробки. Ведь коробки не заклеены! Мать позже хватится, а в каждой коробке нехватка.

— Ну что же ты из разных-то тащишь? — с сожалением спрашивала тётя Лариса дочь.

Вот так конфеты лишались своей подарочной привлекательности. После воспитательного процесса Гаяна с Аркадиком мужественно их доедали.

Мне же нравились конфеты в коробке под названием «Чинар». Ни с чем их не спутать, мог узнать из миллиона. Половина упаковки желтая, а на другой нарисован могучий платан. За них я тогда мог отдать что угодно.

Как и многие другие деликатесы, конфеты продавались по праздникам или по каким-то другим неведомым обычным покупателям случаям. Что входило в рецепт «Чинара», не знаю точно. Внутри шоколадных кубиков орехи и фисташки. Доставшиеся мне на праздник конфеты «Чинар» я тщательно распределял, любил их есть, когда смотрел по телевизору какие-нибудь интересные фильмы — сказки или комедии.

Глава 5 Наш первый заработок

Однажды бабушка отправила нас с Олегом за хлебом, это недалеко от нашего двора. Мы прошли три квартала и ста-

ли подниматься к магазину. Ускорили шаг. Я громко что-то рассказывал, размахивая руками.

Брат был в новеньких белых брюках и светло-зелёной футболке. На мне, как всегда, домашняя одежда. Темно-серые брюки и выцветшая рубашка, я носил это не снимая. Олег надо мной всегда посмеивался — нельзя же и на улице и дома ходить в одном и том же. В этом вопросе наши мнения разошлись. Не только я, но и Аркадик ходит на улице и дома в одной и той же одежде.

Олег заметил, что к нам приближается незнакомый человек, и дернул меня за руку. Мы повернули головы, смотрим — уверенным шагом и немного враскачку подходит мужчина, на вид лет пятидесяти, высокий, крепкий, хорошо одет, на руке золотой браслет, на шее золотая цепь, крест.

— Мальчишки, вы не сильно торопитесь?

— Нет, а что? — машинально ответил я.

— Дело есть. Заработать хотите? — улыбнулся мужчина.

— А вы не обманываете? — покосился Олег.

— Нет, всё честно, — уверенно ответил наш потенциальный работодатель.

— Что надо делать?

— Вы часик поработаете, здесь немного, а я вам заплачу. Хотите?

— Да! — обрадовались мы.

— Руки покажите.

— А это зачем?

— Хочу посмотреть, справитесь вы или нет.

Мужчина, пахнувший одеколоном, посмотрел на наши ладони и дал добро:

— Годится, настоящие мужские руки.

«Ещё бы, — подумал я, — мы ведь целыми днями что-то делаем на горке».

Нас привели во дворик за магазином «Светлана» к небольшому грузовичку с тентом.

Раскрыли тент, запрыгнули и с трудом уместились, машина до отказа забита продукцией. Мы даже не догадывались, что там внутри.

— Смотрите, аккуратнее. Не разбейте, — строго заявил мужчина.

Присмотрелись, в машине небольшие упаковки посуды. Керамические миски.

— Легкотня, быстро справимся, — бросил Олег с победоносным видом.

Стали энергично выгружать посуду. Поначалу вес нам показался смешным, и мы легко таскали упаковки примерно по восемь килограмм, практически бегом. Успевали поговорить, подшутить друг над другом. Постепенно оптимизма у нас поубавилось. Стали чаще дышать, а потом вообще носили коробки с высунутыми языками и перекошенными лицами, молча переглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.